

*Если в сердце таишь ты о вольности грезы,
Нам в беседе словами легко пренебречь:
Я пойму твои вздохи, а ты — мои слезы
И мне руку пожмешь — это польская речь.*

Адам Мицкевич князю Голицыну, 1828

Предисловие к современному изданию

Предлагаемая небольшая по объёму книга — не воспоминания о недавнем прошлом, а скорее напоминание о нём. Напоминание о важных событиях, о ключевых деятелях этих событий и о нашем многострадальном западном соседе — Польше, первой из стран Восточной Европы освободившейся от тоталитарного коммунистического режима и тем самым поведшей за собой остальные страны Варшавского договора.

Конечно же, эта книга — напоминание и о себе, и о таких же, как я, самонадеянных молодых советских мечтателях, надеявшихся дожить до того славного дня, когда и наша страна — Союз Советских Социалистических Республик — станет свободной, открытой, неагрессивной и неопасной для окружающего мира, а Советское государство, так называемая *Родина-мать*, уберет наконец со своего периметра колючую проволоку, отцепит штык, отбросит ружье и повернётся добрым лицом к своему несчастному, измученному народу.

О той, известной сегодня всякому просвещённому человеку, простой истине, что сочетание Советского государства со всеми перечисленными добродетелями, иногда называемыми *общечеловеческими ценностями*, невозможно в принципе, — мы, тогдашние активисты из провинции, не догадывались даже во сне. Так что эта книга ещё и напоминание о той грустной

иллюзии, которая овладевала нами накануне исчезновения СССР с политической карты мира.

Я никогда не был, тем более не являюсь сейчас специалистом по Польше, не знаю толком ни её истории, ни культуры, ни традиций, ни быта. Польша меня интересовала не больше, чем другие социалистические страны, если вообще интересовала... Адам Мицкевич, Фредерик Шопен, пленение Василия Шуйского, поляки в Кремле, плюс к этому — Збигнев Цибульский, «Червоны Гитары», «Скальды», заумный Чеслав Немен, а ещё раньше, со школьной скамьи, — близкие юному сердцу «Четыре танкиста и собака» с белокурым Янеком и запоминающейся песней *Deszcze Niespokojne* в начале и конце каждой серии... Вот и вся моя Польша! Вот и весь наш католический сосед в моём представлении, хотя среди ближайших предков моих были и поляки.

Всё переменялось в самом конце семидесятых, когда до моего неокрепшего слуха и архаичного сознания стали доноситься туманные и разрозненные отклики о польских социальных потрясениях и всплыло слово «Солидарность». И это привычное, даже затасканное абстрактное словцо, заимствованное, казалось, из совдеповского агитпропа, вдруг зазвучало не в обыденном контексте пустых и бессмысленных первомайских демонстраций, а буквально — как некий высокий соединяющий революционный символ!

Таким образом для меня и для таких, как я, донёсшееся из радиоприемника сквозь заглушающие шумы слово «Солидарность» обрело новый смысл, по сути, оно стало совершенно новым *словом-призывом* — живым, отважным и в конце концов победным сигналом, возвращающим нам достоинство, надежду и веру, придающим силы и укрепляющим дух...

Как мне верно оценить и чем отблагодарить за это Польшу и поляков?!

И тогда мой слух стал жадно ловить всякую информацию о польских событиях, а таковая исходила только из двух источников. Первый — телевидение и пресса — читай: советская пропаганда; второй — западные радиостанции, слушать которые приходилось в основном ночами, да и то не каждой, потому что все эти передачи глушились. Помню, я собирал вырезки из центральных газет, читал и анализировал их вместе с моими друзьями-единомышленниками, а затем складывал их в отдельную папку, которая утолщалась день ото дня. Кое-что записывал в блокнот, прослушивая «Голос Америки», Би-Би-Си, «Радио "Свобода"», «Немецкую Волну»...

И вот, посреди эфирного скрежета и шума, хорошо известного моему и более старшему поколению, до меня стали доходить имена, и первое среди них — Лех Валенса...

Кто это? что он? каков ростом? какова его внешность? какой у него голос и какой слог? И если Валенса — всего только рабочий из судостроительной верфи, то как смог он стать центральной фигурой общепольского сопротивления? Как он смог стать угрозой для всемогущей коммунистической власти — не только польской, но и нашей, советской? Как смог этот многолетний электрик из Гданьска противостоять бесчувственной и безжалостной Системе, а в скором будущем стать могильщиком компартии и всего строя, который изначально позиционировал себя как «*строй трудящихся*»?

Даже без ответа на эти вопросы — само общепольское рабочее движение с независимым профсоюзом во главе давало нам очевидный и ключевой для осознания вывод: ПОРП (Польская объединенная рабочая партия) никакой «рабочей

партией» на самом деле не является, как не является таковой и наша собственная КПСС! Никакая пропаганда, никакое очернительство и ложь не могли противостоять тому факту, что в центре сопротивления польскому тоталитарному режиму стоит рабочий, поддерживаемый миллионами поляков!

Уже одно это обстоятельство расшатывало устои всего так называемого социалистического лагеря, и это лучше всего понимали партийные идеологи в Советском Союзе. Поэтому в советской прессе было наложено строгое табу на всякое упоминание о Лехе Валенсе, тем более о его рабочих корнях. Если же имя его и упоминалось, то лишь с тем, чтобы лишний раз донести до советских людей, что за спиной малограмотного тщеславного и запутавшегося лидера стоят некие тёмные силы в лице тайных прозападных советников, которыми, в свою очередь, управляют из-за океана коварные антикоммунисты вроде Збигнева Бжезинского.¹

И действительно, из западных радиостанций стали доноситься разрозненные сведения о советниках «Солидарности», об идеологах движения, о загадочных интеллектуалах из европейских университетов и о молодых активистах из Вроцлава, Варшавы, Кракова, Лодзи, Гданьска, Щецина... Будучи в то время дежурным слесарем ТЭЦ КамАЗа, я лучше других понимал, что за спиной моего польского коллеги–электрика непременно должен кто-то стоять.

Так я впервые услышал имена Яцека Куроня, Лешека Колаковского, Адама Михника, Кароля Модзелевского, Бронислава Геремека, Збигнева Бюяка... И эти имена вызывали всё новые и новые вопросы: кто они? какие они? откуда взялись? что ими в действительности движет? какие книги они читали? каковы их устремления и каковы политические взгляды?..

Боже, каким было бы моё счастье, если бы я с ними тогда встретился!..

Обращаю внимание, что вопросы эти задавались не на московских или ленинградских кухнях, не в интеллигентских академических кругах, где распространялся самиздат, куда окольными путями доходили издаваемые на Западе книги и брошюры и где имели место живые слухи, доносившиеся из Варшавы. Ничего обо всём этом ни я, ни мои друзья-единомышленники в то время не ведали. Не только никакого диссидентского влияния мы не испытывали, но даже и назначения самого слова «диссидент», кажется, не знали. И поскольку мы были в полной мере отчуждены от остального мира, это наше печальное состояние достойно скорее сочувствия, чем упрёков, хотя невежество, что бы ни было его причиной, не аргумент, тем более — не алиби.

* * *

Польские события, деятельность независимого профсоюза «Солидарность», выдвижение из рабочей среды харизматического лидера Леха Валенсы, массовые протесты и вслед за тем введение военного положения и расправа над участниками и лидерами «Солидарности», их арест и заключение в тюрьму — всё это привело нас в движение... После бесчисленного количества частных консультаций, переговоров и встреч со своими товарищами, в феврале 1982 года в далёких от Польши Набережных Челнах, молодом городе с суперзаводом по производству большегрузных автомобилей, мы организовали дискуссионный политический клуб, ставивший своей целью ни

много ни мало как преобразование общества и построение демократического государства.

В этой книге не место истории создания политического клуба, впоследствии носившего имя Николая Ивановича Бухарина, но без упоминания о Политклубе не обойтись, так как только благодаря этому странному неформальному образованию, а также совсем уж невероятному случаю (его вполне можно назвать фантастическим!), я смог побывать в Польше и встретиться там с кумирами своей политической молодости. Так что несколько страниц Политклубу мы всё же посвятим.

Дискуссионный клуб — как форму, объединяющую единомышленников, — предложил нам один из пионеров советской управленческой науки — Валентин Шулимович Рапопорт (1931–1995). Это был очень романтичный и деятельный человек, познания и опыт которого ни я, ни мои друзья, конечно, не могли тогда вполне оценить. Зато он очень быстро оценил нас, увидев в молодом поколении комсомольцев КамАЗа некую новую волну, могущую пробить брешь в беспросветном и безвыходном коридоре под названием СССР. В.Ш.Рапопорт согласился стать наставником политклуба, а я, начинающий лидер, стал его *политорганизатором*: эту странную должность также придумал Рапопорт, перед памятью которого я склоняю голову. Председателем политклуба, причем не только по долгу службы, но и по зову души, стал тогдашний первый секретарь горкома комсомола Ринат Каримов.² По сути, своей должностью он прикрывал политклуб от нападков со стороны партийных и комсомольских бюрократов.

Время для образования неформального, но легального дискуссионного клуба было не самым удачным: только-только начался 1982 год, и никак не умиравший Л.И.Брежнев уже ка-

зался всем нам вечно живым... Не исключено, что дискуссионный политический клуб смог состояться только в условиях не совсем обычной социальной среды, а именно — в огромном новом городе при гигантском современном производстве. Таковым и являлся город Набережные Челны, представлявший собой средоточие съехавшейся отовсюду разноплеменной и разношёрстной молодёжи, как рабочей так и инженерной, с концентрацией множества частных и общих проблем, требующих немедленного их решения, иначе предприятие-гигант попросту не состоится. Ради последнего местные партийные власти были вынуждены терпеть многое, в том числе и молодежный дискуссионный клуб с дежурным слесарем во главе. К тому же на нашем «знамени» были начертаны безобидные ленинские лозунги, а в учителях наших, кроме самого Владимира Ильича, числились в то блаженное время лишь Маркс с Энгельсом да ещё Плеханов. Ну что с нами поделаешь? ³

«Зло творило добро, другого добра мы не знали, кто вышел из этого пекла живым, глядит на себя и плачет», — эта строка из стихотворения «Шестидесятники» Александра Гельмана вполне подходит и к нам, поколению их детей...⁴

Затем настало жёсткое, но недолгое время Юрия Андропова. Для нас оно, впрочем, жёстким не стало, так как поднятая Андроповым борьба с бюрократизмом и прочими «негативными явлениями» использовалась нами на все сто. Что касается борьбы с антисоветчиками, то мы и от неё нисколько не страдали, всерьёз полагая, что таковыми являются партийные и комсомольские бюрократы, засевшие в райкомах и горкомах, в то время как мы, подлинные комсомольские активисты, есть передовой отряд борьбы с ними... Помню, кажется, в «Литературной газете» в то время была опубликована большая

статья Гейдара Алиева (1923–2003), призывавшего бороться с бюрократизмом и казнокрадством. Этот верный андроповец, входивший в то время в политическое руководство страной, даже оправдывал небезызвестного Юрия Деточкина, героя популярного кинофильма «Берегись автомобиля». Можно смеяться, но для нас это был и сигнал, и оружие в борьбе с местными бюрократами, и, кстати, защита от них же... Наш наставник В.Ш.Рапопорт даже предлагал нам, разумеется в защитных целях, назваться *алиевцами*, но смерть Андропова и восшествие столь же больного и престарелого Черненко несколько сместили внутривполитические векторы: энергию борьбы с бюрократизмом, казнокрадством и разгильдяйством канализировали на какие-то другие временные пороки, сейчас уже не вспомню какие...

К этому забавному времени относится и появление книги Вадима Трубникова «Крах "Операции Полония"».

Как было указано в аннотации, книга *«посвящена самому драматическому периоду в жизни ПНР — событиям 1980—1981 гг., во время которых контрреволюционные группировки в союзе с международным империализмом предприняли попытку свержения народной власти. В книге раскрываются сложные перипетии борьбы польских коммунистов, других социалистических сил против контрреволюции. Книга базируется на богатом фактическом материале»*.⁵

Вот это было то что надо! А уж извлечению *того, что надо*, из всего, что только попадалось под руку, нас в нашем отечестве научили сполна. Книга Трубникова на какое-то время стала одной из наших настольных книг, потому что давала представление о том, что на самом деле происходило в Польше, хотя ретивый её автор, конечно, затевал прямо противополо-

ложное. С той поры Яцек Куронь, Адам Михник и особенно Кароль Модзелевский стали моими недостижимыми и непостижимыми героями. Это был 1983 или 1984 год, и я знал, что все трое были арестованы после введения в Польше военного положения и томятся в тюрьме.

Ну а потом подросла *перестройка*, и мы обрели нового, на удивление молодого (всего-то 54 года!) лидера, позволявшего нам делать если не всё, то многое. Мы обсуждали передовицы «Правды» и «Известий», читали *комсомолку*, «Литературную газету», но самым авторитетным и изучаемым стал для нас издаваемый в Новосибирске журнал *ЭКО (Российский экономический журнал)*. С подачи Рапопорта статьи А.Г.Аганбегяна, Т.И.Заславской, Г.Х.Попова, Б.П.Курашвили и других прогрессивных авторов мы обсуждали на своих заседаниях... Кроме того, в узком кругу мы читали Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина и других вождей большевизма, выступления и печатные труды которых переписывали от руки из старых книг, стенографических отчетов пленумов и съездов партии и из периодики прошлых лет, подолгу засиживаясь в библиотеке Казанского университета или в Научной библиотеке Политехнического музея в Москве, куда я специально для этой цели записался. Благодаря этим чтениям мы пересматривали и отечественную историю...

С 1983 года я и мои друзья-соратники периодически появлялись в Москве, где устанавливали связи с единомышленниками, а также встречались с нашими тогдашними учителями, неизменными авторами статей в *ЭКО*, — Борисом Павловичем Курашвили (1925–1998), Гавриилом Харитоновичем Поповым, Татьяной Ивановной Заславской (1927–2013), другими властителями наших тогдашних дум, а также с прогрессивными жур-

налистами, такими, например, как Александр Радов и Юрий Щекочихин (1950–2003).

Далее был Николай Бухарин с его невероятным влиянием на нас, борьба за его реабилитацию и — ключевой момент — знакомство и дружба с Анной Михайловной Лариной-Бухариной (1914–1996), вдовой Николая Ивановича.

Анна Михайловна открыла нам свой дом и познакомила с целым рядом своих друзей и приятелей, среди которых были Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995), Юрий Федорович Карякин (1930–2011), «левый» итальянский журналист Джульетто Кьеза, биограф Бухарина американский историк и советолог Стивен Коэн, журналист, историк и переводчица из Франции Вероник Гаррос (Veronique Garros, 1958–2013)... Потом были встречи с Леном Вячеславовичем Карпинским (1929–1995), Егором Владимировичем Яковлевым (1930–2005), Николаем Петровичем Шмелёвым (1936–2014), Александром Исааковичем Гельманом, Отто Рудольфовичем Лацисом (1934–2005), Александром Михайловичем (Алесем) Адамóвичем (1927–1994), Святославом Николаевичем Фёдоровым (1927–2000), Евгением Аршаковичем Амбарцумовым (1929–2010), Юрием Николаевичем Афанасьевым и многими другими передовыми деятелями, которых тогда было принято называть *«прорабами перестройки»*...

Ситуация с оформлением в СССР демократического слоя, способного материализовать идеи рыночной экономики, сдвинулась с принятием Закона о кооперации в СССР, который я и по сей день могу назвать историческим, а одного из авторов этого закона — академика ВАСХНИЛ Владимира Александровича Тихонова (1927–1994) — одной из ключевых фигур нарождавшегося демократического движения.⁶

В августе 1988 года в Набережных Челнах состоялась конференция кооператоров, съехавшихся в этот город со всей страны, и была учреждена Межрегиональная Кооперативная Федерация (МКФ), получившая общесоюзный статус. С подачи одного из пионеров кооперативного движения, талантливого предпринимателя-самородка Леонида Григорьевича Онушко, меня, после жесточайшей дискуссии, избрали президентом новорожденной организации, полагая, что я и политклуб сможем обеспечить политическую защиту новому движению, а также найдем формулу развития кооперации в провинции. Уже в ноябре наше объединение насчитывало более десяти тысяч кооперативов из шестидесяти городов СССР: от Владивостока до Калининграда. При этом в МКФ были представлены девять из пятнадцати союзных республик. Финансовой основой и инструментарием организации стал задуманный и созданный Онушко один из первых кооперативных банков — «Континент», располагавшийся в Набережных Челнах.⁷

Осенью 1988 года был учрежден Фонд им. Н.И. Бухарина, сопредседателями которого стали мы с Анной Михайловной Лариной-Бухариной. Кроме прочего, фонд награждал премиями лучших представителей отечественной и зарубежной экономической мысли, а также практиков-новаторов, отличившихся в продвижении рыночной экономики в СССР. Среди лауреатов премий фонда — О.Р. Лацис, В.А. Тихонов, историк и политолог Стивен Коэн, знаменитый артельщик и золотодобытчик Вадим Иванович Туманов, новатор сельского хозяйства Иван Никифорович Худенко (1918–1974) (ему премия была присуждена посмертно). Одним из лауреатов стал и молодой тогда журналист и экономист Егор Тимурович Гайдар (1956–2009), отличившийся несколькими глубокими статьями в защи-

ту предпринимателей, а также важными политэкономическими прогнозами. Он, кстати, в своё время приезжал к нам в Набережные Челны, чтобы выступить перед кооператорами на специальном семинаре.

Помощь нашему движению пытался оказать и А.Д.Сахаров (1921–1989). Помню, где-то в конце 1988 года Лен Карпинский передал мне номер телефона бостонской гостиницы и сказал, что Сахаров ждет моего звонка. В назначенный час я позвонил из Набережных Челнов в Америку (что само по себе было для меня ново!) и проговорил с Андреем Дмитриевичем не менее сорока минут! Сахаров настойчиво хотел связать нас с какими-то крупными канадскими бизнесменами, с которыми он уже вроде бы договорился о сотрудничестве, и те согласились помогать нашему становлению... Всё это было очень трогательно, даже забавно, и я до сих пор храню листочек с телефонным номером бостонского отеля и фамилией какого-то канадского миллионера, рекомендованного Сахаровым. И конечно же, в моей памяти запечатлелся мягкий, сбивчивый, картавый и немного торопливый голос Андрея Дмитриевича, которого время от времени дополняла Елена Георгиевна Боннэр (1923–2011), забиравшая у мужа трубку, чтобы пояснить, что именно он хотел мне сказать...

Разумеется, из этой затеи ничего не могло получиться, потому что никто во всём мире не знал, чем и как нам помочь, но сам факт — примечателен: величайший ученый, гуманист и общественный деятель, понимая всю значимость нарождающегося кооперативного движения для становления демократии в России, как мог, пытался помогать этому процессу.

Одним словом, к сентябрю 1989 года, когда я отправился в Польшу, моя политическая деятельность была на своём пике.

Я чувствовал себя невероятно сильным, бесконечно правым и ежечасно находил подтверждения своей правоте. Спорить со мной в те дни было непросто, если вообще возможно: моим аргументом была строго отлаженная, иерархически отстроенная и полностью независимая политэкономическая структура, на знамени которой было начертано имя популярнейшего в те годы любимца партии, подкрепляемое невероятным обаянием и недюжинной волей его вдовы. Мне казалось, что выработанная нами концепция по оформлению в СССР демократического слоя, способного в ближайшее время организовать в стране новую демократическую власть, которая в свою очередь трансформирует традиционное авторитарное российское государство, — верная и единственно правильная в такой многосложной стране, как СССР. Отсюда — очевидная самоуверенность и самонадеянность (*я знаю не только то, что надо делать, но и как надо делать!*) в разговорах с более старшими, опытными и несопоставимо более образованными, чем я, лидерами польской революции, прошедшими через эти и прочие схожие иллюзии ещё лет за двадцать до нашей встречи.

И уж тем более я не думал и не гадал осенью 1989 года, что спустя всего два или три года ничего не останется и от моих собственных иллюзий, как не останется следа от всей моей бурной политической деятельности...

* * *

В один из обеденных перерывов в 1982 или в 1983 году я обратил внимание на не совсем обычного, явно нового на ТЭЦ КамАЗа молодого человека, стоявшего в очереди в буфет. Необычным было не столько то, что одет он был в цивильный

тёмный костюм при галстукe и обут в безупречно начищенные туфли, сколько то, что, стоя в очереди, он читал книгу. Ситуацию оттеняло то, что его окружали работяги — вроде меня в предельно грязной робе. Видимо в пику читающему, они громко о чем-то рассуждали, смеялись, при этом толкались... Он же был невозмутим, ни на кого и ни на что не обращал внимание, молча стоял и читал. Для места и времени это было более чем нестандартно. Это было вызовом. Но молодой человек, на это указывало его плотное телосложение и перебитый нос, был явно спортсменом, и скорее всего боксером, поэтому вызов его был принят за манерность...

Как выяснилось, молодым человеком был Владимир Будневич, инженер, недавно устроившийся на предприятие. Мы познакомились, когда он подошел ко мне во время очередного мероприятия, на котором я «крутил» какую-то модную музыку. Переговорив, я пригласил его в клуб любителей музыки в ДК КамАЗа... Дело в том, что, помимо политклуба (по вторникам), я вёл ещё и музыкальный клуб (по понедельникам), который собирал в основном набережночелнинских любителей рока. Чтобы подчеркнуть свою невинность, мы слушали еще и классику и даже фольклор... С тех пор Володя исправно посещал клуб любителей музыки, а ещё через какое-то время стал активным участником наших дискуссий в политклубе. Поскольку, ко всему прочему, мы работали на одном предприятии, то мы стали приятелями. Он был женат, имел сына, я неоднократно бывал у него в гостях в его трехкомнатной квартире... Владимир был на несколько лет старше меня, его высшее образование и социальный статус — инженер — были несопоставимы с моими, но мы всегда находили общие темы и общий язык.

Весной, кажется, 1984 года в один из приездов в Москву меня каким-то образом занесло на Выставку достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ). Это было в первый и в последний раз, потому что никаких дел у меня там не было ни до ни после описываемого события. И вот, проходя скорым шагом в бесчисленной толпе, масштабы которой может представить только тот, кто хоть раз побывал на этой самой ВДНХ, я краем глаза заметил в десяти шагах от себя моего челнинского приятеля и коллегу по политклубу, уверенно идущего мимо... Нашему взаимному удивлению не было предела. Вот ведь как бывает! И мы, конечно, отметили исключительную маловероятность подобной встречи в многомиллионном городе, прежде чем зашли в какое-то кафе... Я рассказал о своих московских похождениях, о найденных книгах по истории страны и партии, о встречах в Музее Ленина, о каких-то дискуссиях, ещё о чем-то, после чего спросил Володю: что же его привело в Москву?

Он погрузстнел, сказал, что приехал в столицу к родственникам, чтобы восстановить с ними связь, а заодно разузнать о судьбе своего брата по отцу. При этом Владимир достал из кармана небольшой свёрток и уже из этого свёртка извлёк старый исписанный блокнот.

— Вот, видишь, рукой отца, который уже давно умер, написано мне завещание: во что бы то ни стало разыскать старшего брата и восстановить с ним отношения.

После этого Володя достал фотокарточку, на которой запечатлены его отец и очень красивый кучерявый юноша со светящейся улыбкой.

— Это вот отец с моим братом Кириллом...

— Ну и как? Получается его разыскать? — спросил я.

— Да нет. Он давно живет в Польше, и родственники сказали, что сейчас он сидит в тюрьме как политический активист и один из лидеров «Солидарности»... Арестовали сразу после введения военного положения, и сидеть, говорят, будет долго, если вообще когда-нибудь выйдет...

— Один из лидеров «Солидарности»? — переспросил я.

— Да. Так сказала сестра.

— Но как его фамилия? — напрягся я.

— Модзелевский, — спокойно ответил Володя.

Я потерял дар речи и почти лишился сознания. Я почти умер...

И даже сейчас, спустя тридцать лет, я не могу спокойно пережить воспоминание о том мгновении, когда услышал ответ Володи. Вот уже несколько лет моим приятелем, членом нашего политклуба и моим единомышленником является брат того, кем я бредил и кого считал ключевой фигурой польских... да что там — европейских революционных событий! Оказалось, что тот далекий, недоступный и недостижимый деятель в лице своего брата находится совсем рядом. Он почти здесь!

— Кароль Модзелевский твой брат?! — медленно, как в кино, еще раз переспросил я.

— Кирилл, — спокойно поправил меня Владимир. — Отец называл его Кириллом... Видишь, вот в блокноте его рукой написано!..

По возвращении в Набережные Челны — который тогда, если кто-то ещё это помнит, назывался Брежнев, — мы много и не единожды разговаривали с Владимиром о его, как оказалось, знаменитом брате... Володя показал мне две или три фотографии Кирилла, которые хранились в его семейном архиве,

а я рассказывал ему всё, что только знал о Кароле Модзелевском, выдающемся деятеле польского демократического движения, одном из лидеров независимого профсоюза «Солидарность». И конечно, мы мечтали о будущей встрече, думали, что бы сделать, чтобы таковая состоялась, и строили всевозможные планы, включая откровенно авантюрные. Например, мы готовы были предложить свои услуги агентам отечественной контрразведки, чтобы они заслали Вовку к его «антисоветскому» родственнику с каким-нибудь спецзаданием, и тогда он, оказавшись за рубежом, сбежит и останется там, чтобы уже самому разыскивать брата. И Володя, кстати, был готов на всё, чтобы только выполнить завет отца, да только где же было нам найти этих агентов...

В конце концов мы поняли, что завещанная встреча братьев на нынешнем этапе невозможна и её придется отложить до лучших времен...

Но как получилось, что родившийся в Москве Кирилл Будневич стал однажды поляком Каролом Модзелевским?

* * *

Кароль родился 23 октября 1937 года в Москве в молодой семье будущего офицера Александра Будневича и Натальи Вильтер. Уже в следующем месяце отец новорожденного был арестован, и та же участь постигла бы его мать, за которой уже пришли, но почему-то Система дала сбой, и Наталью оставили на свободе. В срочном порядке она переписала фамилию своему месячному сыну, и тот стал Кириллом Вильтером.

«Мать, может быть, не хотела, чтобы я считался сыном врага народа, она дала мне фамилию не отцовскую, а

свою. А потом мне переделали фамилию на Модзелевский. И даже имя переменяли. Так что я теперь не Кирилл, а Кароль, Карл. Во всяком случае, для меня ни Россия, ни Советский Союз от роду не были чужды», – вспоминает Кароль Модзелевский в одном из недавно опубликованных интервью.⁸

Вообще, чтобы проследить за судьбой Кароля Модзелевского и вернее представлять его необычайно сложный жизненный путь, а также неразрывную связь с Россией, важно привести рассказ Кароля о самых ранних годах его жизни:

«Мой биологический отец в это время учился на последнем курсе бронетанкового училища в Москве, был почти офицером. Его арестовали во время массовых чисток после дела Тухачевского в декабре 1937-го. Мне было три недели, когда его взяли. Так что биологического отца я не видел.

Видел я дядю Зига — Зигмунта Модзелевского (Zygmunt Modzelewski, 1900–1954), моего отчима. Но тоже не сразу. Он вышел с Лубянки в июле 1939-го. Родился он в Ченстохове (Czestochowa). Происхождение у него было совершенно "правильное", как в учебнике, — рабочее, в семье железнодорожника он был восьмым ребенком. Он был способным, ему дали возможность окончить среднюю школу. Следует отметить, что это было доступно не всем. Потом, уже в независимой Польше, он поступил в университет в Кракове. Впрочем, как я недавно узнал (ему удалось это скрыть, и даже моя мама этого не знала), студентом он добровольцем воевал в 1920 году. Но не на советской, а на польской стороне. Как только демобилизовался из армии, то вместо того, чтобы продолжать учебу в Ягеллонском университете, ушел в подпольную коммунистическую деятельность. В подпольной коммунистической партии он был "окренговцем" от шахтерского округа Силезии — Домбровско-

го бассейна. Если переводить на советские категории, это соответствовало посту секретаря обкома. Один раз его арестовали, он убежал... Другой раз его арестовали — он снова бежал... После двух побегов его разыскивали. Партия решила перебросить его во Францию, чтобы он там работал. Во Франции была довольно мощная польская рабочая эмиграция, особенно из шахтеров, так что не случайно, что его выбрали на эту работу. С 1925 до 1937 год он был во Франции...

В 1937-м он был довольно видным деятелем, членом ЦК французской компартии и руководил польской секцией в ФКП. Его вызвали в Москву. Он уже знал, что это будет не очень весёлое путешествие, но полагал, что, даже если его посадят, когда он приедет, ему ничего не смогут предъявить: ведь он ни в чем не виноват. Так это и вышло. По случайности и его упрямству. Его посадили в октябре 1937-го, вскоре после приезда в Москву. Но не захотели его просто перед особым совещанием поставить — он же был выдающийся деятель, — хотели сделать открытый показательный процесс или присоединить его к какому-то большому процессу, который бы легитимизировал роспуск польской компартии. Но он не хотел сознаться, что он агент французской и японской разведки. Его пытали, в ледяной карцер бросали, разные вещи делали, но он заупрямился и пережил Ежова. После падения Ежова он попал в бериевскую передышку. И в июле 1939 года его выпустили, сняв все обвинения, возвратили ему билет французской компартии, польской уже не было. В ВКП(б) он не захотел, гражданство советское тоже не взял, но всё-таки остался на свободе и был признанным участником польской политической эмиграции в Москве. Он стал организатором *Союза польских патриотов*, а потом одним из организаторов армии Берлинга; хотя он вышел из

армии, в которой воевал против Красной армии, старшиной, но тут сразу стал капитаном.

Когда он вышел из тюрьмы, то был почти доходягой. И московские поляки поместили его к моей маме, потому что у неё кровать была свободная после ареста моего отца и самая большая комната в коммунальной квартире. Все нам завидовали: в комнате жили только я, бабушка и мама. А мой дедушка уже сидел: он был меньшевик, но я об этом долго не знал. Так что мама моя занялась этим полудоходягой Модзелевским. Она его как-то подняла, и потом это так и осталось».⁹

В первый год войны Наталья и Зигмунт пристроили Кирилла в детский дом, располагавшийся близ деревни Безглядово, Нижегородской (тогда Горьковской) области, на живописном берегу Ветлуги.

«Это был детдом для детей иностранных товарищей, которые как раз в это время считались "товарищами", а не "врагами народа". Детдом был хороший, потому что голода в нём не было. Воспитание у нас было, конечно, советское. Меня туда привезли в ноябре или декабре 1941 года, когда немцы подходили к Москве. Родители поехали в эвакуацию в Энгельс, но меня не тащили с собой, а просто поместили туда. У детей там матери были довольно часто русские, а отцы — главным образом иностранные коммунисты. Но всем нам говорили, что Советский Союз — наша родина, а мы, конечно, воплощение великорусского величия. Так что я в некоторой степени в раннем детстве был воспитан в духе великорусского национализма».¹⁰

После войны отчим Кароля перёшел на дипломатическую работу, был назначен послом Польской Народной Республики в Москве, затем стал заместителем министра ино-

странных дел, а с февраля 1947 по март 1951 года Зигмунт Модзелевский служил министром иностранных дел Польши. Он также был влиятельным членом ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Так что до определенного возраста Кароль Модзелевский рос в семье одного из высших руководящих сановников страны...¹¹

Теперь, когда нам хотя бы что-то известно о происхождении Кароля Модзелевского, вернёмся ко временам *перестройки*, в промышленный город Набережные Челны, в котором вовсю бурлила перестроечная активность и функционировал Политклуб имени Н.И.Бухарина, активным членом которого был сводный брат Кароля — Владимир Будневич.

* * *

В конце 1988 года или даже в самом начале 1989-го мы проводили конференцию кооператоров, которую обычно совмещали с очередной бухаринской конференцией, и к нам в Набережные Челны съезжались кооператоры и молодые политики со всей страны. Это были довольно массовые и представительные мероприятия, о которых писала пресса, в том числе центральная. Приезжали к нам и известные деятели из Москвы: историки, социологи, экономисты, литераторы и, конечно, журналисты, в том числе иностранные. Одним из таковых был Бернар Геттá (Bernard Guetta), собственный корреспондент французской *Le Monde*, с которым мы поддерживали отношения через Вероник Гаррос, работавшую в то время его помощницей. Геттá был известным и влиятельным корреспондентом, одним из тех, кто формировал образ *перестройки* и её лидера Михаила Горбачева в массовом сознании Запада. Этот обая-

тельный и даже веселый человек испытывал неподдельный интерес ко всему новому, что происходило в СССР, и с любопытством приглядывался к тому, чем занимаемся мы в Набережных Челнах...

В один из вечеров, за ужином на моей кухне, зашёл разговор о Польше, и Бернар стал рассказывать о своей работе в Варшаве во время важных исторических событий в этой стране. Как водится, зазвучали известные имена. Я спросил о Лехе Валенсе, и Бернар Гетта восторженно говорил о нём как о феноменальном политике... *«Абсолютно гениальный политик!»* — сказал он о Валенсе... И тогда я спросил, не знает ли он Модзелевского, на что мой гость, не задумываясь и, как всегда, улыбаясь, ответил, что, конечно, знает, более того — Кароль его друг... И тотчас начал рассказывать о Модзелевском, о его огромной роли в польских реформах, но я его остановил.

— А ты знаешь, что у Кирилла (я его так и назвал) есть брат, родной, по отцу?

— Да, он мне рассказывал, что у него в России где-то живет брат, — ответил Бернар, вопросительно глядя на меня.

— А знаешь ли, что этот брат живет в Набережных Челнах и он — член нашего Политклуба имени Бухарина?

Бернар откинулся на спинку стула и округлил глаза.

— Не может быть! — произнес он, при этом он по-прежнему улыбался.

— Да мы сейчас же ему позвоним, — сказал я и направился к телефону, но Бернар меня остановил.

— Такое не может быть! — повторил он, и только теперь его улыбка исчезла.

Тогда я показал ему фотографию, на которой были Александр Будневич и его старший сын Кирилл, кудрявый улыбающийся красивый юноша...

Бернар взял фото обеими руками, склонился над ним, присмотрелся, затем, растекаясь улыбкой, ме-е-е-едленно приподнял голову и, обводя взором сидящих за столом, тихо произнес:

— Это Кароль!

Следующим утром он уже звонил во Вроцлав, а спустя ещё несколько часов «самый серый кардинал польской контрреволюции» разговаривал по телефону со своим сводным братом Владимиром Будневичем... Это был их первый разговор.

* * *

Затем были еще звонки, разговоры братьев, договоренности о встрече, и в марте 1989 года мне пришло от Кароля официальное приглашение приехать в Польшу, а к нему — письмо:

Вроцлав, 10/III/89

Дорогой Валерий Фридрихович!

Посылаю вам официально оформленное приглашение, на основании которого вы должны получить заграничный паспорт на поездку в Польшу. Такое же приглашение посылаю одновременно Володе. Ему я напишу отдельно, а вам я очень благодарен; без вас мы бы, наверное, не отыскали друг друга.

Надеюсь вскоре повидаться.

Крепко жму руку — Кароль Модзелевский.

Очевидно, Кароль хотел, чтобы я, как соединивший их и как друг Владимира, приехал вместе с ним. И сам Володя без меня отказывался ехать. Ну а для меня, в то время законченного политика, приглашение Кароля Модзелевского приехать в Польшу было даром Божиим — не меньше...

Мы, конечно, долго готовились, собирались духом и наконец, в самом конце августа, с Белорусского вокзала отправились в Варшаву...

Встреча никогда прежде не встречавшихся уже взрослых братьев произошла на Варшавском вокзале. Владимир и Кароль обнялись. Я сделал несколько фотоснимков...

За десять дней нашего пребывания в Польше Кароль, кажется, ни на минуту не оставлял нас. Он занимался нами, но, как я только сейчас догадываюсь, больше всего он занимался мной, потому что я просил, я требовал, я умолял его рассказывать мне обо всём, что происходило в то время в Польше, брать меня с собой на все мероприятия, а главное — организовать мне встречи с Яцеком Куронем и Адамом Михником, которые, наряду с самим Модзелевским, интересовали меня больше других. Собственно, другие меня интересовали постольку-поскольку...

Вообще, меня не интересовало в Польше ничто, кроме политики, политики и еще раз политики. Я не видел и не хотел видеть ничего другого. Ни история, ни архитектура, ни культура Польши меня в те дни не волновали, и я совершенно равнодушно прошел мимо них, не останавливаясь и не замечая. Даже польская Церковь и трагическая судьба ксендза Ежи Попелушко (1947–1984) меня волновали только в связи с их включенностью в политические процессы... Единственное «отклонение» — посещение мемориала на том месте, где когда-то размещалось Варшавское гетто, да и то это было мною сделано по настоянию и от имени М.Я.Гефтера и Вероник Гаррос, которые взяли с меня слово, что я непременно там побываю и поклонюсь от их имени жертвам восстания...

Не знаю, что убедило Кароля выполнить все мои просьбы и мольбы и даже сверх того. Возможно, он увидел во мне вчерашнего или даже позавчерашнего себя; может, ему надо было показать своим друзьям и коллегам новый и диковинный

продукт горбачевской *перестройки*; а может, он таким образом благодарил меня за то, что я свёл его с единокровным братом... Но сейчас, когда я внимательно перечитываю (и переслушиваю!) записи всех наших разговоров, мне кажется, что я и в самом деле вызвал у Кароля живой интерес, и он не без любопытства наблюдал за мной, а некоторые из вопросов, которые я, не стесняясь, задавал его многолетним коллегам и товарищам по борьбе, он бы, наверное, задал и сам. То было для Польши и для победившей «Солидарности» труднейшее время выбора. И если раньше перед идеологами и лидерами движения стоял выбор — «*Куда идти?*», то сейчас, как раз в те сентябрьские дни 1989 года, вставал вопрос более сложный: «*Как идти?*» И вот здесь позиции вчерашних единомышленников разошлись.

Сенатор и историк Кароль Модзелевский имел совершенно иное видение перехода к рынку, чем, например, его многолетний друг и соратник Яцек Куронь, как, впрочем, и многие другие лидеры «Солидарности», включая только что назначенного премьера Тадеуша Мазовецкого (Tadeusz Mazowiecki, 1927–2013), от которого Кароль в те дни попросту скрывался.¹² Возможно, моими вопросами и моим оппонированием лидерам «Солидарности», с которыми я встречался, Кароль в какой-то степени ещё и ещё раз доводил и свою точку зрения на польские экономические реформы. Ведь он был переводчиком всех моих встреч, всегда находился рядом, да что там — он был соучастником, так как нередко вставлял реплики, а то и прямо переговаривался с моими собеседниками...

Как бы то ни было, Кароль выполнил и даже перевыполнил всё, о чем я его просил. Он водил меня и своего брата на разные встречи и закрытые мероприятия, знакомил с дейст-

вующими лицами польской политики и посвящал в её таинства. Мы побывали в Сейме, где я разговаривал с некоторыми политиками, задавал вопросы, рассказывал о процессах, происходивших в СССР, о развитии кооперации и политических движениях того времени. Несколько дней мы провели во Вроцлаве, где Кароль проживал с женой. Во Вроцлаве состоялась памятная встреча с Владиславом Фрасынюком, местным лидером «Солидарности», о котором, признаюсь, я ничего до самой встречи не знал. Кароль же убеждал, что это очень крупная фигура в профсоюзном движении, его надежда, и предрекал Фрасынюку большое политическое будущее. К тому же Модзелевский считал необходимой мою встречу с Владиславом: мы с ним принадлежали к одному поколению, и Кароль считал важным нас свести...

Потом мы вернулись в Варшаву — город, в котором прошла юность Кароля, где он вырос, вошел в политику. Там же, в большой квартире в самом центре, проживала его мама — Наталья Ильинична Модзелевская-Вильтер, милая, обаятельная пожилая женщина, переводчица русской литературы на польский и обратно.¹³ Варшава не произвела на меня никакого впечатления, к тому же обстановка в городе была таковой, что хотелось поскорее оттуда убраться. Поляки просыпались и первым делом спешили узнать, что с ценами: за ночь они подрастали так, что люди приходили в ужас. Тогда я ничего не знал о таком понятии, как гиперинфляция, и, глядя на поляков, да и на самого Кароля и его жену, им не завидовал и своей стране не желал такого в страшном сне. Никакие, даже самые короткие, планы не работали. Цены взлетали стремительно, а у большей части людей не было ни накоплений, ни запасов, и психологически они не были готовы к такому ходу событий.

Признаюсь, мне было страшно на них смотреть, а также мне было неловко перед Каролем, потому что у нас с Володиёй никаких денег не было вовсе, в то время как нас надо было как-то и чем-то кормить...

Увы, я тогда ничего не записывал, не вёл дневник, не собирал местную прессу, ничего не старался запомнить... Меня совсем не интересовали частности, меня волновали вопросы общие, глобальные, всепольские, за ответом на которые я и приехал. Но не сомневаюсь, что в Польше о тех серых сентябрьских днях написано многое и многими... Я же сделал для себя один-единственный вывод: так не должно быть у нас! Увиденное в Варшаве ещё больше убедило меня в правильности того, что делаем мы с моими коллегами по Политклубу имени Бухарина, обеспечивая политическую защиту кооператорам, арендаторам и всем свободным предпринимателям как нарождающемуся новому слою, должному обеспечить необратимость рыночных реформ. Никаких «прыжков», никаких «скачков» и сомнительных экспериментов «с понедельника на вторник», никаких вообще резких движений, что касается перехода к рынку, к освобождению цен и так далее, потому что гиперинфляция — это конец демократическим реформам, это уничтожение малого и среднего бизнеса, а в СССР это немедленное возрождение и укрепление иждивенческой коммунистической идеологии. Этот вывод я сделал, ещё не покинув Польши, ещё даже до встречи с Яцеком Куронем и Адамом Михником, что, кажется, явно чувствуется в разговоре с ними, особенно с Куронем.

В Польшу тогда съехалось множество западных специалистов, в кавычках и без. С одним из них меня свел Кароль, и мы долго разговаривали, благо он немного говорил по-русски.

Это был какой-то видный и уже немолодой экономист, кажется из Лондона, по фамилии Брюс, если мне не изменяет память. Судя по тому, как с ним обходились, он был довольно важной персоной. Помню, он все время сетовал на то, что в Польше ничего никто не делает: нет ни экономической программы, ни плана действий, ни даже разговоров на этот счет. Я рассказывал Брюсу о своей концепции, и это его очень увлекало, особенно его интересовало развитие кооперации и кооперативных банков в СССР. Я, помню, предложил ему и Каролю Модзелевскому свою помощь — не как экономиста, разумеется, я в экономике мало смыслю, — я предлагал им свои связи в Москве и, между прочим, рекомендовал Егора Гайдара, своего тогдашнего приятеля из журнала «Коммунист», которому мы с Анной Михайловной Лариной незадолго до того вручили бухаринскую премию. *«Никогда о нём не слышал»*, — сказал Брюс. *«Ещё услышите»*, — заверил его я, назвав Гайдара *«восходящей звездой отечественной экономической мысли»*. Я и впрямь так считал и, быть может, продолжал бы считать до сих пор, если бы у Гайдара всё ограничилось одной только *«экономической мыслью»*... Помню, Брюс сказал, что в Польше нужна фигура помасштабнее, поскольку уж слишком ситуация запущенная...

...Согласитесь, что ситуация эта спустя десятилетия выглядит забавной, потому что, случись подобное, даже не знаю, кого бы я в большей мере выручил — Польшу или Россию?.. Ну да что там теперь...

Прежде чем возвратиться в Набережные Челны, я несколько дней пробыл в Москве, обходя своих друзей и приятелей с рассказом о том, что я видел и слышал в Польше.

А.М.Ларина, М.Я.Гефтер, О.Р.Лацис, Л.В.Карпинский — всех очень интересовало всё, что там происходило. Конечно, если бы тогда в Варшаве и Вроцлаве побывал я нынешний, меня бы интересовало совсем иное и вопросы мои тоже были бы другими, возможно более серьезными и глубокими. А может, и нет. У каждого времени свои вопросы. Как, впрочем, и ответы.

Уже к концу 1989 года я собрал все свои материалы, как мог, отредактировал их, размножил на пишущей машинке и «издал» в количестве пяти или шести экземпляров, незамысловато назвав получившуюся книгу *«Политические беседы»*. Каждая из этих бесед была вскоре опубликована в периодической печати, но сама прошитая нитками книжица так и осталась в моих архивах, и я к ней никогда не возвращался. Даже забыл, что таковая существует, хотя саму поездку в Польшу и встречи с моими собеседниками в памяти хранил всегда.¹⁴

Почему же я вдруг вспомнил о своём «польском самиздате», решив его опубликовать?

Дело в том, что не так давно мне попало большое интервью Кароля Модзелевского, записанное им в мае 2011 года и опубликованное в журнале «Новая Польша». Рассказанное Каролем показалось мне настолько живым и захватывающим, что буквально всколыхнуло меня, воскресив в памяти мою поездку в Польшу и всё, что ей предшествовало. Но ведь если это интересно мне, то наверняка это окажется интересным кому-то ещё; а если интересным — то, быть может, и полезным?.. Может, не сегодня и даже не завтра, а когда-нибудь...

Вот, пожалуй, и все мотивы, подвигшие меня вернуться к событиям четвертьвековой давности.
